Морис ДЮВЕРЖЕ[1]

II. МНОГОПАРТИЙНОСТЬ

Многопартийность нередко смешивают с отсутствием партий. Страна, где общественное мнение расколото на многочисленные, но недолговечные, эфемерные и быстро меняющиеся группы, не соответствует подлинному понятию многопартийности: она переживает еще предысторию партий и находится в той фазе общей эволюции, к которой различие двухпартийности и многопартийности совершенно неприменимо, поскольку нет еще настоящих партий. Сюда можно отнести некоторые страны Центральной Европы в период 1919 – 1939 гг., большинство молодых государств Африки, Востока и Среднего Востока, многие латиноамериканские государства и крупные западные государства XIX века. Однако некоторые из этих стран входят скорее в промежуточную категорию: здесь наряду с настоящими партиями, обладающими необходимым минимумом организованности и стабильности, можно обнаружить образования нестабильные и не имеющие настоящих организационных структур. В этом случае демаркационная линия между многопартийностью и отсутствием партий затушевывается, тем более что во многих странах, уже вступивших в стадию организованных партий, продолжают существовать и следы их предыстории: во Франции, например, весь сектор воззрений, расположенных справа от радикалов, почти не знает подлинных партий – это скорее зыбкие группы, характерные для предшествующей фазы развития.

Многопартийность, понимаемая в таком смысле, достаточно точно характеризует Западную Европу, исключая Великобританию (но включая Ирландию). Разумеется, те или иные из этих государств в некоторые периоды своей истории знали и двухпартийность: так было в Бельгии до 1894 г.; к ней близка и нынешняя Германия. Другие жили в условиях однопартийных систем: Италия с 1924 по 1945 г., Германия с 1933 по 1945 г., современные Испания и Португалия.

[1] Морис Дюверже (род. в 1917 г.) – французский социолог, политолог, руководитель Центра сравнительного анализа политических систем (1948 – 1955), профессор политической социологии Сорбонны (1955 – 1985). Преподавал в университетах Женевы, Нью-Йорка, Тель-Авива, консультировал правительства ряда стран по вопросам конституционного права и избирательных систем. Специалист в области партийных систем. В России издан ставший классическим его труд «Политические партии», из которого публикуется приведенный фрагмент (*Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический Проект, 2000. С. 288 – 318).

В то же время можно полагать, что многопартийному режиму в Европе еще и сегодня угрожает известная опасность и его будущее отнюдь не представляется надежным. Но как бы то ни было, многопартийность и ныне продолжает в целом доминировать в западной части континентальной Европы; она, по-видимому, также соответствует ее наиболее общей политической традиции.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Типологию многопартийности дать нелегко: от трех партий – и до бесконечности, включая бесчисленное множество разновидностей: а сколько еще форм и оттенков в каждой из них! Французская трехпартийность 1945 г. не имеет ничего общего с традиционной бельгийской трехпартийностью; скандинавская четырехпартийность в корне отличается от швейцарской; разрозненность французской правой имеет совсем иной смысл, чем фракционность партий довоенной Чехословакии или Испанской республики. Любая классификация выглядит здесь спорной и ненадежной: любая национальная организация, кажется, имеет особый, единственный и неповторимый характер, не укладывается в общие рамки. Тем не менее, если проанализировать пути формирования многопартийности, то вполне возможно выявить определенные общие черты и даже построить теоретическую схему, в которую достаточно хорошо вписываются факты. При этом следует исходить из естественного характера двухпартийной системы, приняв во внимание, что данная фундаментальная тенденция может быть нарушена двумя различными явлениями: внутренним расщеплением воззрений и наложением дуализмов.

Рассмотрим двухпартийный режим, например, в современной Англии. В лейбористской партии имеются довольно четкие различия между умеренными, которые поддерживают курс Эттли, и группой более радикальной и экстремистской, подчас вступающей в конфликт со своими министрами и противостоящей им по серьезным вопросам, особенно в том, что касается внешней политики. У консерваторов расхождения сегодня менее выражены, поскольку партия находится в оппозиции; если бы она пришла к власти, они обрисовались бы более четко, как это было до войны. Данный пример поддается обобщению. В любой партии есть свои «твердолобые» и «умеренные», соглашатели и непримиримые, дипломаты и доктринеры, терпимые и «бешеные». Противоположность реформистов и революционеров в континентальных социалистических партиях начала XX века представляет собой лишь частный случай весьма общей тенденции. По существу, к социологическому различию радикального и консервативного склада, о котором выше уже было сказано,

можно было бы добавить второе, противополагающее склад экстремистский и склад умеренный, взаимно дополняющие друг друга: так, есть консерваторы-экстремисты и консерваторы-умеренные, радикалы-экстремисты и радикалы-умеренные (жирондисты и якобинцы, к примеру). Пока различие экстремистов и умеренных ограничивается существованием соперничающих группировок внутри партий, порожденных в свое время различием радикалов и консерваторов, естественный дуализм сохраняется. Но если эти группировки ожесточились и не приемлют больше сосуществования, двухпартийность обречена на поражение и уступает место многопартийности. Именно таким образом раскол радикалов и либералов сломал в Швейцарии зародившуюся в 1848 г. двухпартийность (консервативно-либеральную) и создал трехпартийность, которую социалисты превратили затем в четырехпартийность. Точно так же и во Франции образование Радикальной партии постепенно разделило республиканцев, так что к концу XIX века обрисовались три основные течения: консерваторы, умеренные республиканцы (оппортунисты), радикалы. В Дании и Нидерландах появление Радикальной партии обнаружило аналогичную тенденцию к расколу общественного мнения между умеренными и экстремистами. А к 1920 г. раскол на коммунистов (революционеров) и социалистов (реформистов) почти повсюду в Европе увеличил количество партий.

Это дробление и породило центристские партии. Выше уже отмечалось, что не бывает взглядов центра, течений центра, доктрин центра, по сути своей отличных от идеологии правой или левой – все это лишь ослабленное, смягченное, умеренное их проявление. Напомним, что старая либеральная партия (расположенная в дуалистической системе слева) раскололась на либералов и радикалов: они были первыми, кто превратился в партию центра. Точно так же и консервативная партия разделяется на терпимых и непримиримых. Таков первый способ возникновения партий центра. Второй, являющийся результатом «синистризма» , будет раскрыт нами далее. Теоретически подлинный центр предполагал бы, что умеренные правой и умеренные левой, отделившись от своих коренных течений, объединяются, чтобы создать единую партию; но практически первопричина создания партии центра почти не имеет значения; само ее положение и противоречивые устремления, в которые она вовлечена через своих членов, порождают ее фундаментальную противоречивость: всякий центр по природе своей внутренне разорван. В любой стране сосуществуют по крайней мере две центристские партии: к тому была близка накануне введения пропорциональной системы Дания, где либералы представляли правый центр, а радикалы – левый; сила притяжения экстремистов превосходила здесь солидар-

ность умеренных, ибо радикалы, следуя довольно распространенной в Скандинавии тенденции, сотрудничали с социалистами, а не с либералами. Во Франции радикал-социалисты (левый центр) на протяжении всей истории Третьей республики постоянно переходили от центристской солидарности (которая приводила к концентрации) к гошистской (которая породила Картель, Народный фронт, etc.): мы еще увидим всевозможные фигуры этого политического балета, исследуя проблему партийных союзов.

Но еще больше, чем дробление дуалистических делений, распространено, по-видимому, их напластование. Это связано с несовпадением различных видов дуалистических противоположностей, и таким образом их взаимное перекрещивание приводит к многопартийности. Во Франции, например, старое деление на клерикалов и лаицистов не совпадает с делением на западников и ориенталистов или с делением на либералов и дирижистов.

Совместив эти дуализмы, мы получаем схематическое изображение больших духовных «семей» современной Франции: коммунисты (ориенталисты, дирижисты, лаицисты); христианские прогрессисты (ориенталисты, дирижисты, клерикалы); социалисты (западники, дирижисты, лаицисты); народные республиканцы (западники, дирижисты, клерикалы); радикалы (западники, либералы, лаицисты); правая и РПФ (западники, либералы, клерикалы). Разумеется, это достаточно спорная и слишком упрощенная классификация, но тем не менее она неплохо соответствует основному расщеплению воззрений, а вместе с тем – и реальному делению партий (хотя в ней несколько преувеличена значимость христианских прогрессистов – она слабее, и преуменьшена значимость РПФ – она больше, влияние этой партии выходит за границы правой), французская многопартийность – это результат недостаточного взаимодействия между двумя основными массивами общественного мнения.

Здесь и обозначаются пределы естественной двухпартийности. Всякое противоречие дуалистично по своей природе, что ведет к соперничеству двух симметрично контрадикторных точек зрения (поскольку понятно, что любая позиция может отстаиваться как с умеренных, так и с экстремистских позиций); но так как различные пары противоположностей обладают значительной независимостью друг от друга, принятие какой-то точки зрения в одной области оставляет относительную свободу выбора в другой. Многопартийность как раз и порождается этой относительной взаимной независимостью противоположностей. Она неизбежно предполагает, что различные секторы политической деятельности независимы и отделены друг от друга, и только полностью тоталитарной концепции свойственно четко устанавливать жесткую зависимость между всеми

проблемами, так что позиция по отношению к одной из них необходимо имеет своим следствием соответствующую позицию по отношению к любой другой. Но даже тоталитарные идеологии могут сосуществовать и порождать многопартийность при условии полного невмешательства в ту привилегированную сферу деятельности, которую каждая из них считает своей и от которой зависит любая позиция, занимаемая в других вопросах. Если бы все французы согласились считать дуальность «Восток – Запад» самой приоритетной среди всех других, то мы имели бы только две партии: коммунистов и антикоммунистов. Если бы все они полагали, что самое существенное – это соперничество либералов и дирижистов, было бы только две партии: консервативная и социалистическая. Если бы они, напротив, думали, что фундаментальным противоречием по-прежнему остается клерикально-лаицистское противостояние (как в это все еще верят в иных провинциальных уголках), мы также лицезрели бы всего лишь две партии: католиков и свободомыслящих (к чему и шло дело в начале века). Но тот факт, что для одних приоритетно противоречие «либералы – дирижисты», для других – «христиане – лаицисты», а для третьих – «Восток – Запад», создает и поддерживает многопартийность.

Таким образом могут напластовываться друг на друга весьма многочисленные противоположности. И прежде всего – собственно политические, касающиеся формы или структуры правления: противоположность монархистов и республиканцев, подчас усложненная всякого рода нюансами (бонапартисты и роялисты, орлеанисты и легитимисты, etc.). Противоположности социальные: уже Аристотель в своей «Афинской политии» отмечал существование трех партий – рыбаков и портовых моряков, равнинных земледельцев, городских ремесленников; марксизм особо настаивал на фундаментальном и приоритетном характере социального противостояния. Есть противостояния экономического порядка, пример которых являет собой борьба между дирижистами и либералами; но за ней скрывается и более глубокая социальная коллизия, так как коммерсанты, промышленники, производители и посредники защищают соответствующий их интересам либерализм; лица наемного труда, рабочие, служащие и чиновники связывают себя с дирижизмом – он благоприятен для них. Противоположности религиозные: борьба между клерикалами и лаицистами в католических странах (Франция, Бельгия, Испания, Италия и т. д.), где церковная иерархия нередко сохраняла свое политическое влияние; борьба между протестантами и католиками в странах, расколотых по религиозному признаку, – в Голландии, например, партии в основном строятся на этой основе: антиреволюционеры (консерваторы-протестанты) противостоят

консерваторам-католикам и партии исторических христиан, поскольку та была учреждена в конце XIX века с целью противодействовать сотрудничеству двух первых. Этнические и национальные противостояния в государствах, объединяющих различные расовые и политические общности: соперничество чехов и словаков в республике Масарика и Бенеша, сербов и хорватов в прежней югославянской монархии; конфликты немцев, венгров и славян в империи Габсбургов; автономизм каталонцев и басков в Испании, ирландцев в Великобритании (до отделения от империи); проблема судетских немцев в Чехословакии, эльзасцев – в Германской империи и Французской республике; деление на фламандцев и валлонцев в современной Бельгии, etc. Дипломатические противостояния, которые проецировали во внутреннюю жизнь государств международные конфликты: арманьякцы и бургиньонцы, гвельфы и гибеллины, сторонники Оси и сторонники демократии, западники и ориенталисты.

Это, наконец, какие-то исторически сложившиеся противоречия. Новые противоположности, подобно геологическим отложениям, наслаиваются на старые, не разрушая их, так что деления самого различного характера в одну и ту же эпоху сосуществуют в общественном сознании. Во Франции, например, конфронтация монархистов и республиканцев, игравшая основную роль в 1875 г., сегодня уже не вызывает былой ожесточенности – разве что у незначительного меньшинства населения; но конфронтация клерикалов и лаицистов*, доминировавшая в общественном мнении примерно в 1905 г., все еще сохраняет свое огромное влияние на сознание (и подсознание) французов, хотя другие события могли, казалось бы, оставить ее далеко в прошлом; конфронтация социалистов и либералов приобрела настоящее значение начиная с 1940 г. и затем, по мере обострения экономической ситуации, вышла на первое место (она во многом стабилизировалась в 1944 –1950 гг., но проблемы перевооружения снова придали ей остроту); наконец, конфронтация ориенталистов и западников (последние включают как коммунистов, так и некоммунистов) обозначившаяся лишь в 1947 г., имеет тенденцию приобрести первостепенное значение не только в «просвещенных» кругах, но и в массах: многие рабочие, крестьяне и мелкие буржуа отнюдь не жаждут советского режима, но тем не менее

* Лаицист (от фр. *laique* – светский, мирской, не подлежащий контролю церкви, духовного ведомства) – сторонник светского решения всех социально-политических проблем, в том числе светского образования. Не вполне адекватно переводится иногда как «антиклерикал» – последний термин скорее отражает особо непримиримую и активную позицию по отношению к проблемам, о которых идет речь; антиклерикал – не просто лаицист, но борец против клерикализма. – *(О.М.)*

голосуют за коммунистов, чтобы выразить тем самым свою неудовлетворенность.

ТИПЫ МНОГОПАРТИЙНЫХ РЕЖИМОВ

Рассматривая уже не механизмы становления, а установившуюся многопартийность, можно сообразно количеству партий выделить несколько ее разновидностей: трех-, четырех- и многопартийность. Но данная типология еще более проблематична, чем предыдущая, поэтому уместнее будет раскрыть несколько конкретных примеров, прежде чем искать общих объяснений, которые в противном случае неизбежно оказались бы умозрительными. С этой точки зрения заслуживают анализа два типичных случая трехпартийности: трехпартийность 1900 г. и современный трехпартийный режим в Австралии. Известно, что фундаментальная двухпартийность общественного мнения преобразовалась в трехпартийность в результате развития социалистических партий в конце XIX – начале XX века в Англии, Бельгии, Швеции, Австралии, Новой Зеландии, etc. Можно попытаться систематизировать этот феномен и выяснить, не было ли нарушение естественного дуализма взглядов в пользу трехпартийности результатом тенденции к полевению? Явление это довольно распространенное: и реформистская, и революционная партии, однажды осуществив проповедуемую ими реформу или революцию, превращаются в партии консервативные; они перемещается с левого фланга на правый, оставляя после себя пустоту, заполняемую лишь с появлением новой партии, которая следует тем же самым путем. Таким образом за 20–30 лет левая партия одной эпохи превращается в правую другой: термин «синистризм» как раз и отражает это постоянное движение влево. Теоретически перемещение старой партии слева направо должно было бы иметь своим следствием исчезновение прежней консервативной партии, так что восстанавливалась бы первоначальная двухпартийность (англосаксонский случай). Но практически партии обычно умирают медленной смертью; социальные структуры имеют тенденцию упорно продолжать свое существование еще долгое время спустя после того, как оно перестало быть оправданным; скольжение влево, взаимодействуя с базовой дуалистической тенденцией, и порождает трехпартийность. Таким образом могли бы последовательно сменять друг друга трехпартийные системы: «консерваторы – либералы – радикалы», затем «консерваторы (или либералы) – радикалы – социалисты» и, наконец, «либералы – социалисты – коммунисты». В некоторых странах действительно можно было бы обнаружить следы подобного рода тенденции, но она сочетается с таким огромным количеством других

специфических явлений, что не приходится придавать ей достаточно серьезного значения. Старые организации зачастую упорно продолжают свое существование, и подвижка влево, вместо того чтобы устранить одну из них, увеличивает общее количество партий. Механизмы, породившие трехпартийность образца 1900 г., очевидно, все же не поддаются настоящему обобщению.

Трехпартийность современной Австралии покоится на социальной основе. Дуализм «консерваторы – лейбористы», соответствующий схеме «буржуазия – пролетариат», нарушен здесь самостоятельным политическим представительством класса крестьянства в лице аграрной партии. Эта партия прилагает настоятельные усилия, чтобы обеспечить земледельцам канал выражения их интересов, аналогичный тому, что рабочий класс имеет в лице лейбористов: даже само стремление скопировать организацию лейбористской партии говорит именно об этом. Интересно сопоставить данный пример с попытками некоторых стран народной демократии установить многопартийный режим на социальной основе. Они привели к появлению такой же троицы: партия рабочих, партия крестьян, партия либеральной «буржуазии». Растущее доминирование партии рабочих (практически – коммунистов) не позволило созреть плодам этого весьма любопытного опыта. Но самая большая трудность всякой аграрной партии – это ее вечная разорванность между левыми и правыми, обусловленная противоречивостью социальной структуры крестьянства: нет единого класса крестьян – есть извечная противоположность сельскохозяйственного пролетариата и собственников, а еще более – мелких и крупных землевладельцев. Отсюда и неизбежная сложность создания крестьянских партий, непреодолимые границы их роста и достаточно общие для них тенденции правого и консервативного толка; мелкие землевладельцы и сельскохозяйственный пролетариат предпочитают поэтому объединяться вокруг социалистических или коммунистических партий.

Но крестьянские партии все же относительно редки; при всех обстоятельствах они в целом никогда не принимают характера социалистических. И тем не менее в некоторых странах их развитие порождает четырехпартийность, которая заслуживает того, чтобы обратить на нее внимание, поскольку речь идет о несколько своеобразном явлении. Эта разновидность четырехпартийности является результатом «наложения» аграрной партии на консервативно-либерально-социалистическую трехпартийность, довольно обычную для Европы примерно в начале XX века. Ныне почти подобная ситуация сложилась в скандинавских странах; к ней близки Швейцария и Канада. Почему все-таки крестьянству удалось здесь создать и сохранить самостоятельную политическую партию, тогда как в других странах это

оказалось недостижимым? В Скандинавии это можно объяснить историческими традициями. В XIX веке консервативно-либеральное противостояние приняло там форму оппозиции сельской местности городу, ибо в противоположность тому, как это происходило в других странах, деревня оказалась более левой, чем город – показатель еще незрелой социальной структуры, обусловленный очень низким индустриальным развитием (первые революции всегда были Жакериями). Так и случилось, что довольно мощная крестьянская партия противостояла сеньорам и городским буржуа. Однако развитие городской либеральной партии, а затем и социалистической постепенно подталкивало крестьянскую партию к консерватизму, что и сблизило ее с первоначальными противниками: к концу XIX века прежние крестьянские партии обнаруживали тенденцию превращаться в партии чисто консервативного типа – путем либо вытеснения старой правой, либо слияния с ней. Но когда с введением пропорциональной системы сложились благоприятные условия для много партийности, политическая традиция известной крестьянской автономии еще сохранялась, и это несомненно сыграло свою роль во втором рождении аграрных движений: в Дании, например, был приостановлен упадок консерваторов и левая (Venstre – весьма умеренная) смогла сохранить свой чисто крестьянский характер; в Швеции (1911 г.) и Норвегии (1918 г.) сложились новью аграрные партии, гораздо более умеренные, чем в XIX веке. Фактически сельские партии в этих трех странах представляют сегодня правый сектор политического спектра, хотя их социальную базу составляет мелкое и среднее крестьянство: аграрная цивилизация и крестьянский образ жизни по-видимому, стимулируют политический консерватизм. То же самое можно сказать и о швейцарской партии «крестьян и буржуа» (которая, кстати, не является исключительно аграрной). В то же время в Канаде партия «Общественное доверие» имеет более прогрессистскую ориентацию; в Соединенных Штатах фермеры создали довольно сильные на локальном уровне чисто реформистские партии – главным образом еще до протекционистских мер, принятых Рузвельтом в 1933 г. Аналогичный характер имели действовавшие в 1919 – 1939 гг. в Центральной Европе аграрные партии, по примеру лейбористских создававшиеся на базе кооперативов и профсоюзов; особенно замечательно они были организованы в Болгарии. Четырехпартийные системы порой вырисовывались в этих государствах наперекор избирательным манипуляциям и фактически диктаторским режимам.

Но никакая классификация уже невозможна там, где насчитывается свыше четырех партий. Сделаем исключение для полипартийности, или тенденции к крайнему множеству партий, которая может

объясняться достаточно разнообразными общими причинами. Есть несколько типов этого явления. Можно было бы выделить националистическую или этническую полипартийность, присущую странам, разделенным на несколько исторических или расовых групп: расовые противоречия накладываются здесь на социальные и политические, порождая крайнюю усложненность. «Двадцать пять партий!» – меланхолически констатировал Андраши, министр иностранных дел Австро-Венгрии в канун войны 1914 г. бросая взор на венский парламент, где соперничество консерваторов, либералов, радикалов и социалистов усугублялось конфликтами между австрийцами, венграми, чехами, сербами, хорватами, etc. Точно так же и в Чехословакии насчитывалось в 1938 г. четырнадцать партий, в том числе одна венгерская, одна словацкая, четыре немецких: среди тех, которые, казалось, распространяли свою активность на всю республику в целом, некоторые фактически были ориентированы главным образом на Богемию или Словакию. В немецком Рейхстаге 1871–1914 гг. заседали польская, датская и эльзасская партии; в Англии конца XIX – начала XX века важную роль играла ирландская партия.

С другой стороны, во многих странах следует отметить полипартийную тенденцию правой. Во Франции, например, с начала XX века левая состояла из двух или трех крупных, четко разграниченных партий, но правая всегда распадалась на множество малых групп. В Нидерландах религиозные расхождения также привели по существу к раздробленности и правой, и центра; левая же группировалась вокруг социалистической партии. Иногда полипартийность правой находит свое объяснение в «синистризме»: иные объединения современной правой – не что иное, как прежние левые, оттесненные новыми левыми, которым не удается полностью поглотить старых. Она проистекает также из тенденции консервативных партий к внутреннему делению и дроблению на соперничающие фракции. Ее несомненно следует связать и с глубоко индивидуалистическим характером буржуазии, на что мы уже не раз обращали внимание; и, вероятно также с тем фактом, что наиболее развитый класс – это, естественно, и наиболее дифференцированный класс, что ведет к многообразию политических позиций. Совпадение партии и класса, на котором настаивает марксизм, верно лишь в отношении молодых классов, недостаточно развитых и слабо дифференцированных; всякое движение класса вперед естественно вносит в эту социальную общность разнообразие, а оно имеет тенденцию отражаться и на политическом уровне, в делении партий.

И, наконец, довольно заметная склонность латинских народов к полипартийности объясняется развитым у их граждан индивидуальным началом, вкусом к личной оригинальности, а равно и некоторой

анархичностью их психологического склада. Хорошим поводом порассуждать об этом был бы пример итальянских социалистов с их классической склонностью делиться на враждующие группировки. Еще более яркий пример – Испанская республика (среди всех латинских народов испанцы больше всех подвержены анархизму): в Учредительных Кортесах насчитывается 17 партий; в Палате, избранной в 1933 г., их было 20, а в 1936 – 22; почти столько же партий существовало и в Австро-Венгрии. И все же трудно сделать какие-либо обобщения: кайзеровская Германия и Веймарская республика одинаково отличались обилием партий (распад на национальные государства, бесспорно, усугублял эту дисперсию партий, но все же полипартийность не связана исключительно с националистическими или этическими основаниями; анархические тенденции четко проявлялись и справа, что мы вновь видим сегодня); полипартийность наблюдается в Нидерландах, а в Италии, несмотря на проявления все той же дисперсии, происходит сегодня процесс интеграции общественного мнения в русле двух основных тенденций. Попытки найти объяснение многопартийности в психологии народов или национальном характере, очевидно, не приведут нас к достаточно определенным выводам.

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И ГОЛОСОВАНИЕ В ДВА ТУРА

За многими специфическими факторами, порождающими многопартийность, стоит один общий, который с ними взаимодействует: этот фактор – избирательный режим. Мы уже убедились, что мажоритарная система в один тур ведет к двухпартийности. И наоборот: *мажоритарное голосование в два тура и система пропорционального представительства приводят к многопартийности.* При этом следствия данных режимов не абсолютно идентичны; что касается режима в два тура выявить их наиболее трудно. Ведь речь идет об архаичной технике, которая сегодня почти не используется. Одна Франция оставалась верна ей до 1945 г., так как последние всеобщие выборы состоялись в 1936 г. Большинство других стран отказались от нее с начала XX века: Бельгия – в 1899 г., Нидерланды – в 1917, Швеция, Германия и Италия – в 1919, Норвегия – в 1921 г. В нашем распоряжении довольно-таки ограниченная выборная статистика, позволяющая исследовать результаты второго тура; кроме того, многие из этих выборов проводились в условиях ограниченного избирательного права (до 1874 г.– в Швейцарии, до 1894 – в Бельгии, до 1898 – в Норвегии, до 1913 – в Италии, до 1917 г. – в Нидерландах). К тому же в те времена зачастую не велось никакой точной избирательной статистики (до введения системы пропорцио-

нального представительства нет серьезной статистики в Швейцарии, Швеции, Италии; в Норвегии ее нет до 1906, в Нидерландах – до 1898 г.). С другой стороны, режим мажоритарного голосования в два тура имел немало всевозможных разновидностей: голосование по партийным спискам в Швейцарии, Бельгии и в определенный период в Нидерландах (до 1888 г.) и Норвегии (до 1906 г.); голосование по одномандатным округам в Германии, Италии (за исключением 1882–1891 гг.), большую часть времени его действия во Франции, в Норвегии – с 1906 г. и Нидерландах –с 1888 г.; второй тур, ограниченный двумя кандидатами, набравшими наибольшее число голосов, – в Германии, Бельгии, Нидерландах, Италии; свободный второй тур – во Франции, Норвегии, Швейцарии (после 1883); третий тур, поскольку во втором требовалось абсолютное большинство, – в Швейцарии до 1883 г. Общее воздействие, разумеется, не может быть повсюду одинаковым.

Но при всех этих оговорках тенденция второго тура к порождению многопартийности сомнений не вызывает. Механизм ее достаточно прост: при этой системе различие близких партий не мешает их совместному представительству, потому что во втором туре (при перебаллотировке) они всегда могут перегруппироваться, феномены поляризации и заниженного представительства не играют здесь большой роди или играют ее лишь во втором туре: каждая партия полностью сохраняет свои шансы в первом. Наблюдения фактически подтверждают это умозаключение: почти все страны со вторым туром одинаково относятся к многопартийным. В кайзеровской Германии в 1914 г. насчитывалось 12 партий (11 в 1871–1889 гг., 12–13 в 1890–1893, 13–14 в 1898–1907 гг.), что, кстати, соответствует среднему значению; если мы вычтем из общей цифры три национальные группы – эльзасцев, поляков, датчан, – создание которых не может быть отнесено на счет избирательного режима, остается 9 партий: среди них две больших (Католический центр и социал-демократическая, получавшие по сотне мест каждая), 3 средних (консерваторы, либерал-националисты, прогрессисты – по 45 мест), две малых (от 10 до 20 мест). Перед нами – реальная многопартийность. Во Франции при Третьей республике количество партий всегда было очень велико: в Палате 1936 г. насчитывалось 12 парламентских объединений; иногда эта цифра оказывалась выше. За некоторыми карликовыми группами вообще не стояло никакой настоящей организации; тем не менее в Палате редко заседало меньше 6 партий. В Нидерландах в последние более чем двадцать лет, начиная с 1918 г., насчитывалось 7 партий. В Швейцарии четыре главные партии были представлены в федеральном Парламенте. Наконец, в Италии всегда имелась тьма нестабильных и недолго-

вечных мелких группировок, которым никогда так и не удалось превратиться в настоящие партии.

Тенденция к многопартийности очевидна. Она выступает, очевидно, в двух различных формах. В Швейцарии и Нидерландах речь идет о многопартийности упорядоченной и регулируемой; в Италии – анархичной и неорганизованной; Германия и Франция занимают промежуточное положение. Можно было бы попытаться объяснить это различиями в способах голосования, но результаты будут разочаровывающими. Голосование по партийным спискам явно благоприятствует упорядоченной и ограниченной многопартийности в Швеции и Бельгии, но почему-то не отменяет итальянской анархии в период 1881 – 1892 гг., когда на Аппенинском полуострове применялась данная система (правда, период слишком краток, чтобы реформа могла принести все свои плоды); в то же время принцип голосования по одномандатным округам действовал в Нидерландах, где упорядоченность была значительно выше, чем в Швейцарии (партий здесь насчитывалось больше, но лучше организованных). Свободный или ограниченный характер второго тура не имел большого значения: если первая разновидность усилила тенденцию к многопартийности во Франции, то она явно оказалась бессильна в Норвегии, где существовало только три партии (плюс четвертая в самом конце периода); второй тур, кстати, был ограниченным и в Италии, и в Германии. Более существенную роль в этом отношении сыграли, быть может, большие или меньшие ограничения избирательных прав: в Нидерландах – закон Ван Гутена (1946 г.), удвоивший численность избирателей, а равно и количество партий, возросшее с 4 до 7; вместе с тем, в то время, когда в Италии анархия достигла своей кульминации, там действовало весьма ограниченное избирательное право. Но Италию, бесспорно, следует полностью исключить из нашего анализа, так как она до 1914 г. отличалась не столько многопартийностью, сколько вообще отсутствием настоящих партий, что совсем не одно и то же. В конечном счете различия в количестве и стабильности партий при системе мажоритарного голосования в два тура, по-видимому, гораздо больше обусловлены специфическими национальными факторами, чем техническими особенностями избирательного режима: не в них причина повсеместной для этой системы тенденции к многопартийности.

Чтобы выявить природу и силу этой тенденции, следовало бы сравнить состояние партий в одной и той же стране при мажоритарной системе с двумя турами и при другом избирательном режиме – пропорционального представительства, допустим, или выборов в один тур. Последнее сопоставление было бы особенно любопытным: можно было бы в натуре увидеть «умножающий» эффект двух туров

по сравнению с дуалистической тенденцией единственного тура. К сожалению, нет ни одной страны, где голосование в два и один тур последовательно сменили бы друг друга.

Единственный пример, на который в этом смысле можно сослаться, – некоторые американские первичные выборы. Мы видели, что в Техасе введение второго тура привело к умножению кандидатов и группировок внутри демократической партии. На пяти первичных выборах с единственным туром (1908 – 1916) там было четыре номинации с двумя кандидатами и одна – с тремя; на пятнадцати первичных выборах в два тура (1918 – 1948) насчитывается только четыре номинации с двумя кандидатами против четырех с тремя, трех – с четырьмя, двух – с пятью и по одной с шестью и семью кандидатами (не считая еще тех чудаков, которым не удалось собрать и пяти процентов от всех поданных голосов). То же самое наблюдалось и во Флориде. В Джорджии и Алабаме, напротив, почти не было разницы в количестве группировок до и после *run-off-primary,* то есть второго тура: данное исключение в действии умножающей тенденции второго тура, очевидно, объясняется тем фактом, что в этих двух штатах в изучаемый период существовала очень влиятельная группировка, которая вполне могла добиться большинства уже на первых предварительных выборах, что и побудило ее противников сразу же объединиться[1].

Если анализ голосования в один тур сопряжен с известными трудностями, то с системой пропорционального представительства дело обстоит совершенно иначе: она фактически повсюду сменила голосование в два тура. Но и тот, и другой режим ведут к многопартийности, поэтому сравнение в данном случае гораздо менее интересно. Оно позволяет лишь уточнить степень воздействия каждой из систем. В веймарской Германии в 1920 – 1932 гг. среднее число партий, представленных в Рейхстаге, было чуть больше 12, что близко к кайзеровской Германии; но после 1919 г. исчезли три националистические партии, – стало быть, можно отметить рост на 33%. В Швейцарии пропорциональная система привела к возникновению партии крестьян и буржуа. В Норвегии ее «умножающее» воздействие неожиданно высветили аграрии (появившиеся на последних мажоритарных выборах). В Нидерландах и при режиме пропорционального представительства, и при системе двух туров насчитывалось 7 партий: при этом одна из них – коммунистическая, а либералы-консерваторы и либеральный союз в 1922 г. слились, так что речь идет скорее об уменьшении прежнего количества. Во Франции пропорциональная система явно сократила количество партии в

[1] *Key V.O.* Southern Politics. N.Y., 1950. P. 422.

1945 г., но тем не менее в Национальном Собрании 1946 г. насчитывалось 15 фракций (против 12 в Палате депутатов, избранной в 1936 г.); правда, сюда входят и депутатские группы заморских территорий, чего не было в 1936 г. Система действительно пока еще слишком недолго действует после перерыва, чтобы ее результаты могли дать себя почувствовать: ведь и рейхстаг 1919 г. насчитывал только 5 партий, что тоже могло заставить уверовать в «эффект сжатия», присущий пропорциональному представительству; но в 1920 г. их оказалось 10, в 1924 – 12, а в 1928 – 14. В конечном счете результаты воздействия второго тура и пропорциональной системы на число партий почти сходны; дело скорее в изменении внутренней структуры партий – в том смысле, что жесткие связи уступили место более мягким, имеющим личностный характер, как мы это видели во Франции 1936 – 1945 гг., в Италии 1913 – 1920 гг. Может быть, мажоритарное голосование в два тура обладает несколько меньшей способностью умножать количество партий, чем система пропорционального представительства, и легкость увеличения их числа с помощью последней кажется причиной, провоцирующей ее использование. Но она развязывает индивидуализм, так что в партиях становится все больше внутренних расхождений.

Единственное настоящее исключение в действии тенденции к многопартийности в результате второго тура – это Бельгия. До 1894 г., как известно, для нее была характерна классическая двухпартийность, и возникновение в это время социализма тотчас вызвало процесс вытеснения либеральной партии, приостановленный введением пропорциональной системы; тем не менее второй тур там существовал. Разумеется, речь шла о голосовании по партийным спискам и ограниченном втором туре, в отличие от системы, принятой во Франции: во втором туре должны оставаться только кандидаты, собравшие наибольшее число голосов, в количестве, вдвое превышающем квоту выделенных парламентских мест. Но эта особенность, как представляется, не имеет значения для интересующей нас проблемы: и в Нидерландах, и в Италии второй тур тоже имел ограничения, однако тенденции к двухпартийности здесь не обнаруживается; в Швейцарии голосование по партийным спискам породило пять партий, не проявив ощутимой дуалистической тенденции. В Бельгии второй тур хотя и предусматривался избирательным законом, но практически почти никогда не проводился, поскольку уже в первом туре соревновались только две партии. Этот случай хорошо подчеркивает взаимозависимость политических явлений: если избирательная система влияет на организацию партий, то и последняя обратно воздействует на избирательную систему. Именно таким образом в Бельгии двухпартийная система исключала проведение второго ту-

ра. Однако тогда проблемы просто обменялись местами: в таком случае нам предстоит выяснить, почему же потенциальное наличие второго тура не вызвало здесь расколов крупных традиционных партий? Два фактора, очевидно, сыграли в этом смысле детерминирующую роль: внутренняя структура самих партий и особенности политической борьбы в Бельгии. Любого исследователя поражает оригинальный характер бельгийских политических партий второй половины XIX века: все подчеркивают их сплоченность и дисциплину, а также сложную иерархическую сеть комитетов, которая обеспечивала их действие на территории всей страны. Ни одна европейская страна не обладала в то время столь совершенной системой партий, даже Англия и Германия. Сильная внутренняя инфраструктура позволяла бельгийским партиям успешно противостоять диссоциирующей тенденции второго тура, предотвращая расколы, которые в противном случае могли бы стать беспрерывными. Это обстоятельство побуждало избирателей препятствовать появлению новых партий, которые легко могли бы, что называется, загнать в угол соперничающую «машину», тем более что голосование по партийным спискам практически исключало участие независимых кандидатов. Таким образом законодательные положения, предусматривающие второй тур, оказывались нейтрализованными организационной мощью партий в сочетании со сложившимся их дуализмом; но сам этот дуализм был следствием характера политической борьбы в Бельгии того времени. Противостояние католической и либеральной партий было целиком и полностью связано с религиозным вопросом и школьной проблемой, при этом оно развертывалось в условиях ограниченного избирательного права, препятствовавшего развитию социалистического движения. Влияние церкви, создавшей католическую партию, надежно поддерживало ее единство и предохраняло от расколов, и перед лицом столь мощного тандема любые разногласия в стане либералов обернулись бы их ослаблением. Единство католической партии цементировалось давлением религиозного и школьного вопроса и централизующим воздействием духовенства; но образовавшийся таким путем союз занимал в стране такое положение, что был в состоянии иметь абсолютное большинство в Палате, и он им действительно обладал с 1870 по 1878 и с 1884 по 1914 г. Все это было весьма опасно для либералов в случае их раскола. Но именно эту ошибку они и совершили в 1870 г., после 13 лет пребывания у власти: разделившись на старо-либералов (фундаменталистов), младо-либералов (прогрессистов) и радикалов, они потеряли власть. Они приложили самые серьезные усилия, чтобы реорганизоваться и воссоединиться, что вернуло им статус правящей партии в 1878 г., после создания Федерации либералов (1875). Но, вновь

расколовшись – теперь уже по вопросу о голосовании, они опять его потеряли и уже не смогли вернуть до введения всеобщего избирательного права. Фактически либеральная партия Бельгии всегда была коалицией разномастных течений, по-настоящему объединявшихся лишь в избирательных целях ввиду силы своего противника, но очень быстро распадавшихся, стоило ей оказаться у власти. Различные фракции либералов никогда не доходили до полного разрыва – их предохраняло от этого могущество соперника в лице католической партии: механизм, почти идентичный тому, который, несмотря на введение *run-off-primary*, препятствовал возникновению фракций у демократов Джорджии и Алабамы благодаря господствующему положению Эжена Тэлмэджа и Боба Грэйвза. На протяжении всего XIX века сквозь политическое развитие Бельгии красной нитью проходит сдерживающее влияние католической угрозы либералам, что и сковывало свойственную системе мажоритарных выборов в два тура тенденцию к многопартийности.

МНОГОПАРТИЙНОСТЬ И СИСТЕМА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Вопрос о том, обладает ли система пропорционального представительства тенденцией к умножению партий, выступал предметом многочисленных научных дискуссий. Общепринятый в расхожих представлениях утвердительный ответ на этот вопрос убедительно критиковался некоторыми исследователями, например Тингстэном[1]. Действительно, если рассматривать, допустим, французские партии до 1939 г. (мажоритарный режим в два тура) и после 1945 г. (пропорциональное представительство), то невозможно констатировать рост их количества. Следует даже отметить некоторое сокращение в 1945 – 1946 гг.; но с тех пор по-иному перегруппировалась правая, снова обрела свое значение радикальная партия, возникла РПФ, и восстановилась почти прежняя ситуация. Без сомнения, еще более убедителен пример Бельгии: после пятидесяти лет функционирования пропорциональной системы мы не обнаружим там никакой трехпартийности, разве что присутствие компартии, весьма, впрочем, слабой.

Эта борьба мнений, по-видимому, связана со смешением технического понятия многопартийности, как оно определено в данной работе (режим, имеющий более двух партий), и обыденного представления о ней, предполагающего рост количества партий сразу же

[1] *Tingsten H.* Majoritetsval och proportionalism (Riksdagens protokoll). Stockholm, 1932.

после пропорционалистской реформы. Возможно, где-то такого немедленного роста не происходит, что и дает основание критике Тингстэна. И все же установлено, что пропорциональная система обычно совпадает с многопартийностью: еще ни в одной стране мира она не порождала двухпартийного режима и не способствовала его поддержанию. Конечно, поляризация на базе двух партий сегодня действительно вырисовывается в Германии и Италии: христианским демократам и социалистам с коммунистами (которых можно рассматривать как одно целое, поскольку первые слепо подчиняются вторым) в итальянской Палате принадлежит 488 мест из 574, а социал-демократам и ХДС в бундестаге – 270 из 371. И тем не менее в Германии насчитывается 6, а в Италии – 8 партий, и число их имеет скорее тенденцию к росту, нежели к сокращению. Тяга к двухпартийности фактически присутствует в немецком общественном мнении, и она зародилась еще в последние годы кайзеровской империи (с ростом социал-демократии), утвердилась в первые годы Веймарской республики и вновь возродилась сегодня в Боннской республике; но пропорциональная система яростно сопротивляется переходу этих настроений на политический уровень, препятствуя всякой поляризации вокруг христианских демократов или социалистов. Как бы то ни было, Германия и Италия – многопартийные страны, как и все прочие, где принята система пропорционального представительства. По 4 – 5 партий насчитывается в Ирландии, Швеции и Норвегии; от 6 до 10 – в Нидерландах, Дании, Швейцарии, Франции, точно так же, как в Западной Германии и Италии; и, наконец, более 10 – и веймарской Германии, Чехословакии (до Мюнхена), республиканской Испании. И это еще без учета карликовых партий, которым на отдельных выборах удается получить однодва места. Одна лишь Бельгия насчитывает 4 партии и имеет тенденцию с ослаблением компартии вернуться к трем: но при всех обстоятельствах речь идет о многопартийности.

Последний пример заслуживает того, чтобы рассмотреть его подробнее, ибо он позволяет наглядно убедиться, что пропорциональная система сопротивляется всякому движению к двухпартийности, которое может проявиться в момент ее введения. Здесь следует вновь обратиться к сравнению Бельгии и Англии – и та, и другая жили в условиях дуализма, разрушенного в начале XX века появлением социалистических партий. Через пятьдесят лет Англия, сохранившая мажоритарное голосование, вернулась к дуализму, тогда как в Бельгии установившаяся в 1900 г. трехпартийность была закреплена с помощью пропорционального представительства. В этом отношении большой интерес представляет анализ избирательных кампаний в период 1890–1914 гг. В 1890 г. ограниченное избиратель-

ное право еще не позволило социалистам добиться представительства в парламенте: двухпартийность по-прежнему сохранялась. В 1894 г. введение всеобщего избирательного права принесло социалистам 28 мест, в то время как у либеральной партии их стало 21 вместо 60 (хотя она имела вдвое больше избирателей, чем социалисты; но принцип заниженного представительства работал против нее). Выборы 1898 г. нанесли либералам новый удар: они получили лишь 13 мест: на этот раз действие прежних факторов было дополнено еще и поляризацией, – многие из тех, кто раньше голосовал за либералов, отдали свои голоса католикам. Процесс вытеснения либеральной партии весьма заметно ускорился: законно предположить, что для его завершения достаточно было бы двух или трех выборов. Но в 1900 г. принимается система пропорционального представительства; это было как раз кстати: католики хотели приостановить упадок партии либералов, чтобы не оставаться один на один с социалистами. Количество мест в парламенте у либералов сразу же вновь поднялось до 33. После выборов 1902 – 1904 гг. оно возросло до 42 (вероятно, за счет «деполяризации»: прежние избиратели либералов, покинувшие их после 1894 г. ради католиков, вернулись к своим прежним привязанностям, сразу раскусив суть пропорционального представительства), чтобы в конечном счете стабилизироваться в пределах 44–45 мест. «Спасение» бельгийской партии либералов с помощью системы пропорционального представительства можно сравнить с аналогичной историей датской правой. Показательно, что процесс вытеснения затронул ее уже на последних мажоритарных выборах (13 мест и 1910, 7 – в 1913 г., несмотря на отчаянные попытки вы двинуть как можно больше кандидатов). В 1918 г. введение смешанной системы (корректирующей результаты мажоритарного голосования с помощью дополнительных мест, распределяемых по принципу пропорционального представительства) подняло это число до 16; в 1920 г. именно пропорциональная система дала правой 28 мест и стабилизировала ее на этом уровне вплоть до 1947 г.

Отметим, что это спасение происходило в два этапа. На первых выборах по системе пропорционального представительства рост достигался главным образом за счет механических факторов – отсутствия заниженного представительства и увеличения количества кандидатов; но к ним присоединился фактор психологический, выразившийся в деполяризации. Все эти явления прямо противоположны тем, которые порождают двухпартийность при мажоритарной системе. Покуда последняя используется, партия, занимающая третью или четвертую позицию, получает заниженное представительство по сравнению с двумя первыми: процент ее мест ниже процента полу-

ченных ею голосов, и этот разрыв всегда больше, чем у ее соперников. Пропорциональная система по самому своему определению отменяет этот разрыв для всех, но та партия, что раньше была в наиболее неблагоприятном положении, получает от реформы наибольшую выгоду. Кроме того, в условиях вытеснения посредством мажоритарной системы она вынуждена была свертывать свою активность в некоторых округах и не выставлять кандидатов в тех из них, где не было никакой надежды на победу; пропорциональная система возвращает ей шансы повсюду, в зависимости, правда, оттого, насколько в полном виде эта система принята; партия начинает возвращать голоса, которые не могли быть за нее поданы просто по причине отсутствия ее кандидатов в том или ином округе. Эти два следствия носят чисто механический характер; один полностью проявляется на первых же выборах; результативность второго не всегда раскрывается немедленно и полностью, особенно если партия, воскрешенная пропорциональной системой, действительно, как говорят, дышит на ладан и потому не в силах сразу же выставить кандидатов повсюду, где это снова становится возможным. Но ко вторым выборам она восстанавливает прежние позиции, а на последующих вновь обретает тех избирателей, которые ушли от нее при мажоритарном режиме, чтобы не дать своим голосам пропасть впустую и не играть на руку сопернику: при пропорциональной системе в один тур, где ни один голос не теряется (по крайней мере – в теории), поляризация не имеет больше смысла; отсюда обратный процесс – деполяризация.

Первый результат пропорциональной системы – это, следовательно, приостановка всякого движения к двухпартийности: ее можно рассматривать как мощный тормоз в этом отношении. Ничто не побуждает здесь родственные партии к слиянию, ибо их самостоятельное выступление на выборах не наносит им никакого урона, а если и наносит – то самый минимальный. Ничто не мешает внутрипартийным расколам, так как общее представительство двух отдельных фракций не будет механически сокращено вследствие особенностей голосования; это может произойти по психологическим мотивам – из-за замешательства, которое такая партия сеет среди избирателей, но порядок голосования не играет в данном случае никакой роли. Единственное ограничение глубокой тенденции к сохранению имеющейся многопартийности связано с коллективным характером пропорциональной системы: она требует организации, дисциплины, развитой партийной инфраструктуры. Пропорциональная система, стало быть, противостоит индивидуалистическим и анархическим тенденциям, которые порой порождает голосование в два тура, и ведет к известной интеграции малых и нестабильных

групп, возникающих в результате ее действия. Очевидно, что в Италии, например, введение пропорциональной системы сократило количество партий в 1919 г. за счет консолидации социалистов и, что особенно важно, создания партии христианских демократов. Эффект сокращения ощутим главным образом справа и в центре, для которых анархия наиболее характерна. Пропорциональная система сыграла известную роль в сплочении средних и «буржуазных» классов вокруг католических партий – так было во Франции в 1945 г., в Италии в 1920 и 1945 г., а равно и в консолидации их вокруг партий фашистских – в Италии и особенно в Германии. В этом смысле пропорционалистский порядок иногда умеряет многопартийность, но никогда не устраняет ее полностью и никогда не приводит к двухпартийности.

И совсем другое дело – проблема возрастания количества уже существующих партий в условиях пропорциональной системы. Ограничивается ли ее роль всего лишь поддержанием установившейся многопартийности в границах, которые уже определились, или она заставляет ее эволюционировать в сторону *полипартийности*? Вопрос деликатный: если присущий пропорциональной системе «эффект умножения» в принципе неоспорим, то, по-видимому, он все-таки не имеет того масштаба, который нередко ему приписывают; он главным образом действует по нескольким четко определенных направлениях. Наиболее интересные наблюдения относительно того, присущ ли в принципе системе пропорционального представительства «эффект умножения», могут быть сделаны в современной Германии, где во многих землях принят избирательный порядок, при котором мажоритарное голосование в один тур комбинируется с пропорциональным представительством. Часть депутатов (3/4 в земле Северный Рейн-Вестфалия, 2/3 – в Шлезвиг-Голштинии и Гамбурге, 3/5 – в Гессе, половина в Баварии, etc.) избирается простым мажоритарным голосованием в один тур, остальные – по пропорциональной системе: либо по дополнительным спискам, либо путем достаточно сложного повторного голосования. Эта система подсказана, кстати, порядком выборов в Бундестаг Федеральной Республики, где 242 депутата были избраны мажоритарным голосованием в один тур, а 160 – по спискам, представленным партиями, чтобы таким способом скорректировать результаты прямого голосования в духе пропорциональной системы. Соответственно тому, насколько избирательная статистика позволяет различить итоги мажоритарного голосования и результаты последующего пропорционального распределения, можно измерить «умножающее» влияние последнего. В то же время не будем забывать, что в целом голосование развертывается в пропорционалистских рамках и это психологически влияет на избирателей: главное, они знают, что голоса, отданные ими кандида-

там, которые могут оказаться на третьем или четвертом месте, не будут потеряны, как это происходит при простом мажоритарном голосовании – ведь дополнительное распределение как раз и имеет целью их учесть. Следовательно, механизмы поляризации здесь не действуют или почти не действуют. В результате свойственный мажоритарному голосованию «эффект сжатия» оказывается сглаженным, точно так же, как и присущий по сравнению с ним пропорциональной системе «эффект умножения». Но последний тем не менее остается ощутимым.

В Федеральном Собрании избранники округов представляют только 5 партий; по результатам пропорционального распределения в Бундестаге к ним добавляется сверх того еще 4 партии (от коммунистов до крайне правых). На выборах в Ландтаг земли Шлезвиг в 1950 г. избирательный блок, созданный христианскими демократами, ФДП (немецкие либералы) и ДП (немецкая консервативная партия) получил 31 место за счет мажоритарного голосования – против 8, полученных социал-демократами, 5 – Союзом изгнанных и перемещенных, 2 – партией Южного Шлезвига (датчане); по результатам пропорционального распределения правящая партия сохранила свое прежнее 31 место, социал-демократы, наоборот, довели счет до 19, Союз изгнанных – до 15 и Южный Шлезвиг – до 4. Если само число партий и не выросло, то увеличение количества малых групп имело именно такой смысл. Аналогичны результаты выборов в земле Гессе: социал-демократы добились 36 мест за счет мажоритарного голосования, либералы – 8, христианские демократы – 4; эти цифры увеличились после коррекции с помощью пропорциональной системы соответственно до 47, 21 и 12. В Баварии «эффект умножения» выступает еще ярче – распределение мажоритарных мандатов дает 46 мест партии баварских христиан (ХСС), 38 – социал-демократам, 16 – баварской партии и 1 – либералам; итак, практически представлены только 3 партии. Но после суммирования мандатов, полученных по пропорциональной системе, партия баварских христиан имеет 64 места, социалисты – 63, Баварская партия – 39, либералы – 12, блок, созданный «изгнанными» и «немецкой общиной», – 26, так что в итоге в ландтаге заседает 5 партий. Подобные же результаты дали выборы в парламент Гамбурга 10 октября 1949 г.: 72 избранных путем плюрального вотума (то есть мажоритарного голосования) в два тура принадлежат только к двум партиям: это социал-демократы (50) и коалиция либералов и христианских демократов, выставляющих единых кандидатов (22); после распределения мест с учетом результатов пропорционального голосования в собрание вошли еще 3 партии: Немецкая консервативная (9), коммунисты (5), радикалы (1).

«Умножающий эффект» системы пропорционального представительства кажется неоспоримым. Но он, как правило, носит ограниченный характер: необходимо еще учитывать, вводится ли пропорциональная система после голосования в два тура, которое и само по себе порождает многопартийность, или она сменяет систему голосования в один тур, имеющую тенденцию к двухпартийности. В первом варианте эффект умножения, естественно, представлен меньше, чем во втором. Мы уже ранее имели случай убедиться, что, когда голосование в два тура уступает место пропорциональной системе, возрастание количества партий не столь уж ощутимо: не было какого-то заметного их увеличения в Нидерландах и во Франции: небольшой рост наблюдался в Швейцарии и Норвегии, и более ощутимый – в Германии. Такой незначительный рост после нескольких лет функционирования пропорциональной системы может объясняться различными факторами: так, появление коммунистических партий в 1920 г. не было следствием избирательного режима, хотя он этому и благоприятствовал. Если голосование в один тур уступает место пропорциональной системе, эффект умножения оказывается более четко выраженным, однако его трудно зафиксировать, поскольку наблюдения в данном случае весьма лимитированы объективными обстоятельствами; и только в двух странах голосование в несколько туров сменилось пропорциональной системой – в Швеции и Дании. Швеция перешла от 3 партий в 1908 г. к 5 – сегодня; в Дании их число выросло с 4 в 1918 г. до 7: рост довольно умеренный. Однако война 1940 г. сократила количество партий в большинстве стран, так что сопоставление оказывается некорректным: по отношению к довоенному периоду рост выглядел бы более заметно. К тому же вышеприведенные цифры не учитывают всех недолговечных, сменяющих друг друга малых партий, а их-то, как мы это сейчас увидим, как раз и плодит пропорциональная система.

Чтобы выявить механизм свойственного пропорциональной системе эффекта умножения, будем различать партии, возникающие путем деления старых, и действительно новые. Первое явление присуще не только пропорциональному режиму: расколы и деления нередки и при мажоритарной системе; немало их испытала, например, английская либеральная партия и до, и после появления лейбористов. Но тогда они носили характер преходящий и ограниченный: две фракции либо воссоединялись по прошествии некоторого времени, либо одна из них присоединялась к сопернице (так, либерал-националисты практически слились с консервативной партией). В условиях же пропорционального режима расколы имеют тенденцию приобретать затяжной характер, потому что выборы мешают враждующим фракциям сокрушить друг друга. Установление пропорциональной

системы нередко совпадало с внутренними расколами в старых партиях или публичным признанием уже совершившихся (старая партия распадается на две новые, и обе продолжают выступать от ее имени) или замаскированных расколов (партия, которая афиширует себя в качестве новой, учреждается частью руководителей и кадров старой партии, тоже продолжающей существовать). Именно таким образом система пропорционального представительства в 1919 г. породила в Швейцарии партию крестьян и буржуа, практически возникшую из раскола радикалов. В Швеции понадобилось несколько лет (1911 – 1920), чтобы точно таким же путем создалась аграрная партия, фактически появившаяся на свет благодаря расколу консерваторов, тогда как партия либералов в 1924 г. распалась на две ветви (воссоединившись в 1936 г. скорее по причине почти полного исчезновения одной из них, нежели подлинного слияния). В Норвегии пропорциональная система сразу спровоцировала раскол социалистов на правых и левых (они объединились только в 1927 г.) и тогда же – два раскола в ущерб либеральной левой путем отпочкования радикал-демократов, которые добьются двух мест, и внезапного роста небольшой аграрной партии, получившей на очередных выборах 118 657 голосов против прежних 36 493 и соответственно 17 мест против 3 (она организовалась накануне предыдущих выборов и была тогда очень слаба).

И тем не менее данный эффект пропорциональной системы весьма ограничен; в целом она почти не затрагивает инфраструктуру партий, уже существующих к моменту ее принятия. Она вовсе не обладает той атомизирующей способностью, которую иногда ей приписывают: расколы по большей части происходят путем деления одной крупной партии на две другие, сохраняющие затем свои позиции на последующих выборах. Тенденция к умножению проявляется не столько в делении старых партий, сколько в создании новых. И нужно ли уточнять, что речь идет в основном о партиях небольших? Пренебрегая этим обстоятельством, некоторые не признают умножающего эффекта пропорциональной системы, и внешне такой взгляд кажется соответствующим истине. Но большинство эффективно действующих пропорционалистских режимов принимали специальные меры предосторожности, чтобы избежать появления карликовых партий, выступающих естественным продуктом этой системы: известен, например, метод Хондта или метод наивысшей средней, которые действуют во многих пропорционалистских государствах и ставят малые партии и невыгодные условия, компенсируя тем самым последствия пропорциональной системы. То же самое можно сказать и о голландской системе, которая отсекает от распределения оставшихся мест те партийные списки, которые не получили по крайней

мере избирательной квоты. По существу, система пропорционального представительства нигде не принята в чистом виде – не столько по причине технических трудностей ее использования (они относительно легко преодолимы), сколько в силу ее политических последствий и в особенности в той или иной степени свойственной ей тенденции множить нестабильные карликовые группы.

И все-таки эта глубокая тенденция обычно преодолевает те барьеры, которые перед ней воздвигают. Ограничимся здесь некоторыми наиболее типичными примерами. В Норвегии на первых же пропорциональных выборах 1921 г. возникли две новые партии – радикал-демократы (2 места) и правые социалисты (8 мест); в 1924 г. к ним добавляется третья – коммунистическая (6 мест); в 1927 – четвертая, либеральная (2 места); в 1933 – пятая, социальная (1 место) и шестая – христианские демократы (также 1 место); другие скандинавские страны эволюционировали в аналогичном направлении. То же явление еще более ощутимо в Нидерландах: на первых пропорциональных выборах 1918 г. 10 партий получают по одному месту (экономический союз, независимая социалистическая партия, коммунисты, нейтралы, социал-христиане, христианские демократы, христианские социалисты, Лига национальной обороны, сельская партия, партия средних классов). Перед лицом этого угрожающего изобилия в избирательный закон было введено положение об исключении из распределения оставшихся мест любого партийного списка, не получившего 75% числа голосов, необходимых для избрания депутатов. Несмотря на это 4 малые партии не сошли с дистанции и после выборов 1922 г.: 3 прежних и 1 новая – (протестанты– кальвинисты); две другие возникают в 1925 г. (протестантские политики и католики-диссиденты); еще одна – в 1929 (независимые); две другие – в 1933 (социал-революционеры и фашисты), а кроме того восстала из пепла одна из партий 1918 г., исчезнувшая было после введения 75-процентного барьера (христианские демократы). Пришлось еще раз изменить избирательный закон, установив новые препятствия на пути указанной тенденции системы пропорционального представительства в отношении малых партий: поднята квота, необходимая для участия в распределении мест, и установлен залог. И все же 4 малые партии были представлены еще и в парламенте 1937 г. и среди них одна новая – партия национал-социалистов; таким образом число карликовых групп, порожденных пропорциональной системой за 1918 – 1939 гг., достигло 17. Заметим к тому же, что речь идет не о тех чисто локальных партиях, чье появление объясняется личными амбициями того или иного кандидата: как показал Ф.С.А. Гуарт в своей статье в *Энциклопедии социальных наук,* принятая в Нидерландах пропорциональная система,

которая практически делает из страны один избирательный округ, породила даже не локальные, а национальные малые партии. Парламент Ля Хей, например, накануне введения пропорциональной системы включал 7 партий: в 1918 – 1939 гг. там всегда их насчитывалось не меньше 10, а иногда это число достигало 17. Лишь война 1940 г. восстановила показатель 1913 г., но за 1946 – 1948 гг. число партий снова увеличилось с 7 до 8. Да и эти цифры не вполне соответствуют реальности: следовало бы дополнить их списком всех партий, которые выставляли своих кандидатов на выборы. В Нидерландах число их от выборов до выборов (1929 – 1933) доходило от 36 до 54. В Швейцарии в 1919 – 1939 гг. 67 партий представляли свои списки в различных кантонах, и 26 из них в тот или иной момент добивались представительства в Национальном совете.

Но размножением малых партий дело обычно не ограничивается. Пропорциональная система необыкновенно чувствительна к резким и бурным колебаниям общественного мнения. Она способствует тому, что те мощные его порывы, которые подчас, подобно морским приливам, вздымают целые народы, как бы материализуются в форме политических партии, а те в свою очередь могут про длить вызвавшие их к жизни социальные страсти и тем самым помешать «отливу» общественного мнения. Этот феномен приобретает тем большее значение, что действие его усиливается концентрацией вокруг таких новых движений различных малых групп правой и центристской ориентации, носящих личностный характер. Именно таким образом пропорциональная система, очевидно, и благоприятствует развитию фашизма. Эрман скорее всего преувеличивал ее роль в отношении национал-социализма: избирательную систему нельзя в данном случае рассматривать в качестве решающего фактора. Но еще большей ошибкой было бы отрицание ее роли: стоит отметить, что все страны, где фашистским течениям удалось преобразоваться в представленные в парламентах партии, – это страны, принявшие пропорциональную избирательную систему. Мы еще вернемся к этому в связи с проблемой стабильности партий, колебаний их численности и отражения ими новых движений общественного мнения.